



# Джеральд Даррелл



Читая Даррелла, ты будто оказываешься в раю, где неведомы заботы и возможно все.

**New York Times**

## ПРАЗДНИКИ, ЗВЕРИ И ПРОЧИЕ НЕСУРАЗНОСТИ



**Сборник  
публикуется в новом  
(и впервые — в полном)  
переводе!**



**Джеральд Даррелл**  
**Праздники, звери и**  
**прочие несуразности**  
Серия «Большой роман»

*indd предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=57334680](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57334680)*

*Джеральд Даррелл Праздники, звери и прочие несуразности:  
ISBN 978-5-389-18489-3*

### **Аннотация**

«Праздники, звери и прочие несуразности» – это продолжение романов «Моя семья и другие звери» – «книги, завораживающей в буквальном смысле слова» (Sunday Times) и «самой восхитительной идиллии, какую только можно вообразить» (The New Yorker) – и «Птицы, звери и моя семья». С неизменной любовью, безупречной точностью и неподражаемым юмором Даррелл рассказывает о пятилетнем пребывании своей семьи (в том числе старшего брата Ларри, то есть Лоренса Даррелла – будущего автора знаменитого «Александрийского квартета») на греческом острове Корфу. Эти романы и сборники разошлись по миру многомиллионными тиражами, стали настольными книгами уже у нескольких поколений читателей, а в Англии даже вошли в школьную программу. «Трилогия о Корфу» (с течением времени разросшаяся до шести книг) трижды переносилась на телеэкран,

причем последний раз – в 2016 году, когда британская компания ITV выпустила первый сезон сериала «Дарреллы», одним из постановщиков которого выступил Эдвард Холл («Аббатство Даунтон», «Мисс Марпл Агаты Кристи»). Сборник публикуется в новом переводе, выполненном Сергеем Таском, чьи переводы Тома Вулфа и Джона Ле Карре, Стивена Кинга и Пола Остера, Иэна Макьюэна, Ричарда Йейтса и Фрэнсиса Скотта Фицджеральда уже стали классическими.

# Содержание

1	8
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	67

# Джеральд Даррелл Праздники, звери и прочие несуразности

Gerald Durrell

FILLETS OF PLAICE

Copyright © Gerald Durrell, 1971

This edition is published by arrangement with Curtis Brown  
UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

БОЛЬШОЙ  
РОМАН

Серия «Большой роман»

Перевод с английского Сергея Таска

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбу-  
ка».

© С. Э. Таск, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Инностранка®

\* \* \*

*Эта книга посвящается моему брату Ларри,  
который всегда поощрял мое сочинительство и  
больше других радовался моему успеху*

«Сумасшедший мальчишка, набивает улитками карманы!»

*Лоренс Даррелл, ок. 1931*

«Сумасшедший мальчишка, держит скорпионов в спичечных коробках!»

*Лоренс Даррелл, ок. 1935*

«Сумасшедший мальчишка, устроился в зоомагазин!»

*Лоренс Даррелл, ок. 1939*

«Сумасшедший парень, хочет стать хранителем зоопарка!»

*Лоренс Даррелл, ок. 1945*

«Сумасшедший тип, рыскает по джунглям среди

змей!»

*Лоренс Даррелл, ок. 1952*

«Сумасшедший тип, мечтает о собственном зоопарке!»

*Лоренс Даррелл, ок. 1958*

«Сумасшедший тип. Позовешь его в гости, а потом обнаружишь орла в своем винном погребе!»

*Лоренс Даррелл, ок. 1967*

«Сумасшедший тип».

*Лоренс Даррелл, ок. 1972*

# 1

## Как рождается название

Это был один из тех безветренных ясных лазурных дней, какой может подарить только Греция. В кронах зудели цикады, а море было густо-синим колыхающимся отражением неба. Только что закончился обильный и неспешный обед под перекрученными дырчатыми оливками, подступавшими почти к воде на одном из самых красивых пляжей острова Корфу. Женщины пошли поплавать, оставив нас с Ларри наедине. Развалившись на песке, мы передавали друг другу здоровенную плетеную бутылку с рециной, по вкусу чем-то напоминавшей скипидар. Пили мы в тишине, думая каждый о своем. Кто считает, что, если два пишущих человека остались вдвоем, начинается обмен остроумиями и бойкими подколками, сильно заблуждается.

– Хорошая рецина, – прервал молчание Ларри, в задумчивости наполняя свой стакан. – Где ты ее раздобыл?

– У плюгавого торговца в одной из улочек, что расходятся от площади Святого Спиридона. Ничего, да?

– Очень даже. – Ларри подставил стакан солнечным лучам, и жидкость заиграла, как старое матовое золото. – Последняя рецина, которую я купил в городе, на свет и на вкус больше напоминала мочу мула. А может, это она и была.

– Завтра я буду в тех краях. Если хочешь, привезу тебе бутылек.

– Гм. Лучше два.

Утомленные этой интеллектуальной беседой, мы наполнили стаканы и снова погрузились в молчание. Среди остатков еды рыскали муравьи. Черные крохотные и крупные красные с задранными попками наподобие противовоздушных орудий. По стволу оливы, на которую я откинулся, ползала стая интересных личинок, такие ворсистые создания, похожие на миниатюрных полярных медведей, грязных и довольно уродливых.

– Над чем ты сейчас трудишься? – спросил Ларри.

Я удивленно на него посмотрел. У нас было неписаное и невысказанное правило никогда не обсуждать Наше Творчество во избежание раздоров и вульгарных взаимных оскорблений.

– Ни над чем я сейчас не тружусь, но есть у меня одна смутная идея. Между прочим, ее мне подсказал твой «Дух места».

Ларри фыркнул. Это была компиляция его писем к друзьям, методично собранная и изданная нашим общим приятелем Аланом Томасом.

– Уж не знаю, какие идеи мог этот дух тебе подсказать.

– Представь себе. Я тоже решил сделать своего рода компиляцию. У меня осталось много материалов, не вошедших ни в одну книгу. О праздниках, зверях и прочих несурзано-

стях. Вот и решил собрать их вместе и издать.

– Отлично, – сказал Ларри, наливая себе очередной стакан рецины. – Хороший материал не должен пропадать.

Он снова поднял к свету стакан, чтобы полюбоваться цветом содержимого.

Потом он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнул озорной огонек.

– Слушай, почему бы тебе не назвать эту книгу «Праздники, звери и прочие несуразности»?

Что я и сделал.

## Вечеринка в честь дня рождения

Лето выдалось затяжным и жарким, даже по корфианским стандартам. Несколько месяцев подряд ни одного дождя, от восхода до заката из царства голубой мадонны солнце жарило остров. От нестерпимого зноя все выгорело и потрескалось. Для нас лето было по-своему изнуряющим. Ларри со свойственной ему широтой души приглашал кучу друзей с артистическими способностями. Это был такой непрерывный поток, что матери пришлось дополнительно нанять двух служанок, а самой проводить большую часть времени в нашей просторной мрачноватой подвальной кухне, где она металась от плиты к плите, чтобы накормить и осчастливить целую армию драматургов, поэтов, писателей и художников. Но вот наконец все уехали, и семья отдыхала на веранде, попивая холодный чай и поглядывая на застывшее голубое море.

– Слава богу, это закончилось, – сказала мать, поправляя очки на носу. – Ларри, дорогой, ну зачем ты приглашал всех этих людей? Я уже обессилела.

– Если бы все было правильно организовано, ты бы не обессилела, – заметил Ларри. – Между прочим, они все рвались тебе помочь.

Мать смерила его взглядом:

– Ты себе представляешь эту толпу в моей кухне? Я с трудом пережила наши застолья, только не хватало, чтобы они еще путались у меня под ногами. Хотя в конце лета немного отдохну. Ничего не хочется делать. Я совершенно измотана.

– Тебя никто и не просит что-то делать, – буркнул Ларри.

– Ты уверен, что никого больше не приглашал?

– Не помню, – ответил он беспечно.

– Если еще приедут, то они могут прекрасным образом остановиться в отеле. А с меня хватит.

– Я не понимаю этой воинственности, – обиделся Ларри. – По-моему, милейшие люди.

– Тебе не надо было для них готовить, – сказала мать. – Я уже эту кухню видеть не могу. Хочется куда-нибудь уехать и обо всем забыть.

– Отличная идея, – сказал он.

– Ты о чем?

– Куда-нибудь уехать.

– Это куда же? – насторожилась мать.

– Как насчет морского путешествия на материк?

– А что, здорово! – подхватил Лесли.

– Прекрасная мысль, – вступила Марго. – Давайте так и сделаем. О, я знаю! Мама, мы там отпразднуем твой день рождения.

– Даже не знаю, – засомневалась мать. – Это куда же на материк?

– Возьмем напрокат *benzina*<sup>1</sup> и будем останавливаться, где понравится, – беззаботно сказал Ларри. – Наберем еды на два-три дня, и вперед! Отдыхаем, развлекаемся.

– Ну что ж, замечательно, – согласилась мать. – А Спиро сможет достать катер?

– Конечно, – заверил ее Лесли. – Спиро все устроит.

– Да, это была бы неплохая передышка.

– Если ты подустала, нет ничего лучше морского воздуха, – сказал Ларри. – Сразу воскреснешь. А чтобы нам было нескучно, можно еще какой-то народ прихватить с собой.

– Вот только не надо никакого *народа*, – встрепенулась мать.

– Ты меня не так поняла. Я имел в виду, например, Теодора.

– Теодор не поедет, – сказала Марго. – Он страдает морской болезнью.

– Э, не говори, – не согласился Ларри. – А есть еще Дональд и Макс.

Мать пошла на попятный. К Дональду и Максусу она питала нежные чувства.

– Ну, эти... пожалуй.

– И Свен к тому времени вернется, – продолжал Ларри. – Он наверняка захочет присоединиться.

– Против Свена я не возражаю, – сказала мать. – Свен мне нравится.

---

<sup>1</sup> Катер (*ит.*).

– А я могу позвать Мактавиша, – предложил Лесли.

– Только не этого жуткого типа, – скривился Ларри.

– Это он жуткий? – полез в бутылку Лесли. – Твоих дружков мы вынуждены терпеть, вот и ты моих потерпи.

– Ну все, дорогие, все, – умиротворяюще сказала мать. – Не спорьте. Лесли, если тебе так хочется, можем пригласить Мактавиша, хотя я не понимаю, что ты в нем нашел.

– Он отличный стрелок, – сказал Лесли, как будто это было исчерпывающее объяснение.

– А я приглашу Леонору, – обрадовалась Марго.

– Стоп! Замолчите, – сказала мать, – а то кончится тем, что мы все пойдем на дно. Мне казалось, идея заключалась в том, чтобы отдохнуть от людей.

– Но это же не просто люди, – возразил ей Ларри, – это друзья. Не чувствуешь разницу?

– Тогда давайте остановимся на этой цифре. Мне и так придется три дня готовить.

– Я поговорю со Спиро, когда он приедет, по поводу катера, – пообещал Лесли.

– Домашний ледник берем? – спросил Ларри.

Мать надела очки и внимательно на него посмотрела:

– Домашний ледник? Ты шутишь?

– Какие шутки, – сказал Ларри. – Нам нужны охлажденные напитки, масло, да много чего.

– Ларри, дорогой, но это же абсурд. – Мать попыталась его урезонить. – Мы в дом-то с трудом его внесли, а тут речь

идет о лодке.

– Ничего. Что-нибудь придумаем, – успокоил ее Ларри.

– То есть ты придумаешь, а мы будем таскать, – разъярил Лесли.

– Ерунда, не надо усложнять. В дом внесли, значит и из дома вынесем.

Домашний ледник был предметом материнской радости и гордости. В те дни ни одна отдаленная вилла не могла похвастаться электричеством, и если кто-то придумал холодильник, работающий на керосине, то до Корфу он пока не добрался. Решив, что жить без холодильника негигиенично, мать сделала весьма приблизительный набросок рефрижератора из тех, какими все пользовались в Индии, когда она была еще девочкой, и показала его Спиро. А нельзя ли здесь раздобыть нечто подобное?

Спиро похмурился, разглядывая ее рисунок, а затем сказал:

– Я разобраться, миссис Даррелл, – и с этими словами уехал в город.

Однажды утром, спустя две недели, к дому подъехала большая телега с впряженной четверкой лошадей. Впереди в телеге сидели шестеро мужчин, а на заднем сиденье стоял монструозный рефрижератор. Добрых шесть футов в длину, четыре в ширину и столько же в высоту. Обшитый доской толщиной в дюйм и футерованный цинком, а между ними проложенный опилками. У шестерых крепышей ушло целое

утро на то, чтобы установить его в кладовке. Для этого даже пришлось разобрать высокое, до пола, окно в гостиной. Рядом с ним все выглядело карликовым. Спиро периодически привозил в своей машине здоровые подтаивающие глыбы льда, которые мы загружали в рефрижератор. Таким образом, у нас надолго сохранялись масло, молоко и яйца.

– Нет, – решительно возразила мать. – Переносить ледник я не позволю. Еще механизм, не дай бог, сломается.

– В нем нет никакого механизма, – заметил Ларри.

– Мы можем его повредить, – настаивала она на своем. – Ледник мы не трогаем, я так решила. Можно завернуть лед в мешки, и он прекрасно сохранится.

На это Ларри ничего не ответил, но я видел, как в его глазах мелькнул шальной огонек. Поскольку мы собирались как бы в океане отпраздновать мамин день рождения, все озаботились темой подарков. После некоторых раздумий я решил преподнести ей сачок, поскольку она проявляла неизменный интерес к моей коллекции бабочек. Марго купила ей отрез на платье, о каком сама мечтала. Ларри купил ей книгу, которую давно хотел прочесть, а Лесли – маленький дамский револьвер с инкрустированной жемчугом рукоятью. Как он мне объяснил, с ним она будет чувствовать себя в безопасности, оставаясь дома одна. Притом что его комната напоминала арсенал, заполненный всевозможным оружием, с которым мать не знала, как обращаться, я подумал, что это довольно странный подарок, но промолчал.

Между тем наши планы, связанные с большим путешествием, воплощались в жизнь. Заказывалась и готовилась еда. Оповестили Свена, Дональда и Макса, Леонору и Мактавиша. Теодор, как и ожидалось, сначала отказался, сославшись на морскую болезнь, но, узнав про необычные пруды и ручейки, которые нам предстоит увидеть, заколебался. Будучи страстным специалистом по пресноводной фауне, он подумал, что стоит рискнуть, и решил присоединиться.

Катер подгонят к пристани, чтобы мы там загрузились. Затем он направится в город, а мы поедem на машине, заберем остальных участников и стартуем уже оттуда.

В то утро, когда должен был прибыть катер, Спиро повез в город мать и Марго за последними покупками. Я у себя наверху погружал мертвую змею в спиртовой раствор, когда раздался странный шум. Я побежал вниз узнать, что происходит.

Шум доносился как будто из кладовки. Заглянув туда, я увидел шестерых крепких деревенских парней, которые под руководством Лесли и Ларри пытались вынести рефрижератор. Им удалось его передвинуть, отбив половину стеной штукатурки, при этом громадина отдала ногу Яни, и он хромал с обвязанным вокруг пальцев окровавленным носовым платком.

– Что вы делаете? – воскликнул я. – Мать же запретила его вывозить.

– А ты заткнись и не мешай, – сказал Лесли. – У нас все

под контролем.

– Проваливай и не мешай, – напустился на меня Ларри. – Лучше сходи к причалу и посмотри, не пришла ли «бензина».

Я оставил их обливаться потом и возиться с необъятных размеров рефрижератором, а сам спустился с холма, пересек дорогу и вышел к причалу. Стоя у самого края, я с надеждой обратил взор в сторону города Корфу и обрадовался, увидев идущий вдоль берега катер. Он все приближался, но почему-то и не думал сворачивать к нашему причалу. Вот-вот пройдет мимо. Видимо, Спиро дал неправильные инструкции. Я стал подпрыгивать на месте, размахивать руками, громко кричать, и наконец мне удалось обратить на себя внимание мужчины.

Он лениво развернул катер, подплыл к причалу и бросил якорь; «бензина» мягко ткнулась носом в деревянный настил.

– Доброе утро. Вы Таки? – спросил я.

Это был смуглый приземистый толстяк с глазами цвета золотистой хризантемы. Он помотал головой:

– Я его кузен.

– Прекрасно, – говорю. – Надо немного подождать. Сейчас они притащат ледник.

– Ледник? – переспросил он.

– Ну да. Он довольно большой, но в лодку должен поместиться.

– Ладно, – безропотно согласился он.

В эту самую минуту на вершине холма показались потные, отдувающиеся, переругивающиеся парни с рефрижератором, а вокруг них суетились Ларри с Лесли. Вся эта компания напоминала пьяных навозных жуков, катящих свой огромный шар. Очень медленно, оступаясь, поскальзываясь и чуть не падая, они спустились с холма, один раз едва не выронив драгоценную ношу, сделали небольшую передышку посреди дороги и в конце концов добрались до причала.

Причал был из выдавших виды досок, а стойки из кипариса. Сооружение было по-своему надежное, но старое и уж точно не рассчитанное на такой огромный рефрижератор, и, когда запыхавшиеся мокрые грузчики добрались до середины, настил с треском провалился, и эта махина полетела в воду вместе с грузчиками.

– Идиоты! – завопил Ларри. – Кретины! Вы себе под ноги смотрите?

– Они не виноваты, доски провалились, – объяснил Лесли.

Рефрижератор упал Яни на ноги, но, к счастью, дно здесь песчаное, поэтому ноги ему не расплющило, а просто вдавило в песок.

Приложив немалые усилия, с криками и руганью грузчики сумели вытащить ледник на причал. А затем, с помощью переломанных кипарисовых стоек в качестве роликовой дорожки, отдуваясь всей командой, его погрузили на катер.

– Видите, как все просто, – изрек Ларри. – Я же вам гово-

рил. Джерри, ты побудь тут, а мы принесем остальное.

Торжествующие, смеющиеся деревенские парни отправились вместе с Ларри и Лесли на виллу за прочим скарбом. Я провожал их взглядом и, только услышав какие-то новые звуки, посмотрел вниз. Толстяк уже выбирал якорь.

– Эй! Что вы делаете? – закричал я ему.

– Выбираю якорь, – ответил он бесхитростно.

– Куда это вы?

– В Гувию. – С этими словами он запустил мотор.

– Какая Гувия?! Вы что! – взвыл я. – Вы должны везти нас на материк! И наш рефрижератор...

Но мотор уже вовсю тарахтел, и толстяк, даже если он меня расслышал, предпочел это проигнорировать. Он развернул «бензину» и направил ее прочь вдоль берега. Я с ужасом провожал его взглядом. Что теперь с нами будет?

Я перепрыгнул через дыру в причале и припустил в сторону дороги. Надо скорее все рассказать Ларри. И тут я их увидел на вершине холма, с корзинками для пикника и прочим скарбом. А буквально в следующую секунду вдали показался автомобиль Спиро – это из города возвращались мать и Марго.

Ларри и Лесли вместе с местными парнями подошли, как раз когда подъехал автомобиль.

– Дорогой, что тут у вас происходит? – спросила мать, выбираясь из машины.

– Несем вещи в «бензину», – ответил Ларри. Тут он оста-

новил взгляд на причале. – Черт, да где ж она?

– С этим я к тебе и бежал, – сказал я. – Он уплыл.

– То есть как *уплыл*? – не понял Лесли. – Как он мог уплыть?

– Вот так, – говорю. – Видите, вон он?

Они проследили за моей рукой и увидели уплывающий катер.

– И куда же он плывет? – спросил Ларри.

– В Гувияю.

– При чем тут Гувия? Он должен был отвезти нас на материк.

– Я ему так и сказал, но он пропустил это мимо ушей.

– Но у него наш ледник, – напомнил Лесли.

– *Что* у него? – переспросила мать.

– Ледник, – раздраженно повторил Ларри. – Мы погрузили его в лодку, а этот тип его увез.

– Я ведь тебе говорила, чтобы ты *не трогал* ледник. Оставил его в покое. Ларри, ты меня просто огорчаешь.

– Мать, не делай из мухи слона. Сейчас главное – как вернуть эту чертову махину. Спиरो, что, по-вашему, на уме у этого придурка? Это ж вы его наняли.

– Это не его «бензина», – задумчиво нахмурился тот.

– Да, это был не Таки, а его кузен, – подтвердил я.

– Нам-то что теперь делать? – взволнованно спросила мать.

– Надо ехать за ним, – сказал Ларри.

– Я отводить вашу мать домой, а потом ехать в Гувия, – объявил Спиро.

– Но в ваш автомобиль эта махина не поместится, – заметил ему Ларри.

В этот момент послышалось тарактение другого катера, все обернулись и увидели, что приближается какая-то лодка.

– А! Вот «бензина» Таки, – изрек Спиро.

– Надо отправить его в погоню, – сказал Ларри. – Как только пришвартуется, скажите ему, чтобы он отправился в погоню и вернул наш ледник. Уж не знаю, что за игру затеял этот тип.

– Слушай, – обратился ко мне Лесли. – Он не удивился, когда ему предложили взять на борт холодильник?

– Он как будто вообще ничего не понял, – ответил я.

– Ничего удивительного, – вступила мать. – В этих обстоятельствах я бы тоже ничего не поняла.

Но вот подъехал катер, и мы объяснили Таки сложившуюся ситуацию. Этот щуплый человечек дружелюбно улыбнулся, обнажив ряд золотых зубов.

– Парням лучше поехать вместе с ним. Иначе нам не перетаскать ледник из одной лодки в другую, – сказал Ларри.

Деревенским парням очень понравилось предложение совершить морскую прогулку, и они, возбужденно хохоча и переговариваясь, расселись в катере.

– Лесли, тебе неплохо бы поехать с ними, – добавил Ларри.

– Пожалуй, – согласился тот.

Он сел в лодку, и она отправилась за похитителем вдогонку.

– Я ничего не понимаю, – сказала мать. – О чем думал этот человек?

– Мама, это же Корфу, – сказала Марго. – Здесь все сумасшедшие.

– Да, но не в такой же степени. Приплыть на катере, погрузить холодильник совершенно незнакомых тебе людей и уплыть, не говоря ни слова!

– Может, он из Занте, – предположил Спиро, как будто это все объясняло.

– Ни в какие ворота не лезет. Хорошее начало! Как же вы меня, дети, расстраиваете.

– Мама, ты несправедлива, – сказала Марго. – Откуда им было знать, что загрузили ледник не в ту лодку?

– Должны были спросить. А теперь мы можем никогда больше не увидеть наш ледник.

– Не волноваться, миссис Даррелл, – нахмурился Спиро. – Я его вернуть, а вы возвращаться домой.

Мы все вернулись на виллу и стали ждать. Через три с половиной часа нервы у матери совсем сдали.

– Они наверняка утопили его в море! Ларри, этого я тебе никогда не прощу. Я ведь тебе ясно сказала: «Ледник не трогать».

И в эту минуту послышалось отдаленное тархтенье мо-

тора. Я выбежал из дома с полевым биноклем и наставил его на морскую гладь. К причалу приближалась «бензина» Таки, в которой аккуратно стоял наш рефрижератор! Я прибежал с хорошей новостью.

– Ну слава богу, – сказала мать. – Теперь, пожалуй, можно отправляться в дорогу. У меня такое чувство, будто я на год состарилась, хотя еще даже не отпраздновала свой день рождения.

Мы снова вынесли вещи на причал и погрузили их на катер. Потом сели в машину и поехали в город.

Наши друзья попивали в тени колонн на эспланаде. Свен, почти лысый, с всклокоченными завитками седых волос, похожий на большого луноликого ребенка, прижимающий к себе драгоценный аккордеон, с которым он не расставался. Теодор в безукоризненном костюме и панаме, борода и усы золотятся на солнце, а рядом со стулом трость с маленьким сачком на конце и дорожная сумка с бесценными пробирками и бутылочками. Бледный, аристократический Дональд. Высокий и нескладный Макс, кучерявый, с коричневыми усиками, словно бабочка, присевшая на верхнюю губу. Леонора, красивая цветущая блондинка. И наконец, Мактавиш, крепыш с загорелым морщинистым лицом и редющими седыми волосами.

Мы извинились за опоздание, которого никто, похоже, не заметил, пропустили с ними по стаканчику, пока Спиро отнес в лодку скоропортящиеся продукты, и двинули к поджи-

давшей нас «бензине».

Все влезли на борт, последние продукты убрали в ледник, завелся мотор, и мы понеслись по водной глади.

– Я купил... э-э... таблетки от морской болезни, – пояснил Теодор, подозрительно поглядывая на море, казавшееся нарисованным. – Я подумал, что возможно легкое волнение, а так как моряк из меня никудышный, лучше перестраховаться.

– Если будет волнение, ваша таблетка мне пригодится, – сказала мать. – Я тоже тот еще моряк.

– У матер не будет морской болезни. – Макс успокаивающе потрепал ее по плечу. – Я не допущу.

– Интересно, как это вы не допустите, – сказала она.

– Чеснок, – пояснил он. – Верное австрийское средство.

Отлично действует.

– Сырой чеснок? – вскинулась Марго. – Какая гадость.

– Нет, Марго, не гадость. Очень, очень полезно, – заверил ее Макс.

– Не выношу мужчин, от которых разит чесноком, – сказала она. – Они сбивают тебя этой волной.

– Но если сами съедите чеснок, тогда *вы* собьете их волной.

– Есть сырой чеснок – ну и привычки, – сказал Дональд. – Только на континенте на такое способны.

– Вообще-то, он... м-м... полезен, – заметил Теодор. – Это медицинский факт.

– Во время готовки я всегда добавляю в еду чеснок, – сказала мать. – Для аромата.

– Ох уж тот аромат, – промолвила Леонора, растянувшись на палубе, как персидская кошка. – Вчера я отправилась в Перему на автобусе и чуть не задохнулась. Там все жевали огромные зубцы чеснока и дышали на меня. Я приехала в предобморочном состоянии.

Свен расстегнул аккордеон и повесил на шею.

– Дорогая миссис Даррелл, что вам сыграть? – спросил он.

– О, Свен... даже не знаю, – замешкалась мать. – Что-нибудь веселое.

– Как насчет «Есть в городе таверна»? – предложил Теодор. Эту мелодию он был готов слушать бесконечно.

– Прекрасно, – сказал Свен и заиграл.

Лесли с Мактавишем уединились на носу. Последний периодически приседал и отжимался. Он, помимо прочего, был помешан на здоровом образе жизни. Когда-то он служил в королевской конной полиции Канады, о чем любил всем напоминать. Он всегда стремился быть в центре любой вечеринки и больше всего гордился своими отменными физическими кондициями. Похлопывая себя по животу, он говорил: «Глядите, глядите! Неплохо для сорокапятилетнего мужчины, а?» «Бензина» с пыhtением одолевала канал, отделявший остров от материка, под лихие распевы Теодора.

Морской переход показался мне на удивление коротким. Все привлекало мое внимание – летающие рыбы, чайки, – и

я то и дело дергал Теодора, чтобы он дал экспертную оценку водорослям и другим предметам моего интереса за бортом.

Но вот показалась совершенно бурая и размытая полоса суши между Албанией и Корфу, уходившая в сторону Греции, и по мере приближения нас встречали торчащие скалы, похожие на сосочкообразные оплавленные свечи всевозможных оттенков. Поскольку надвигалась ночь, мы нашли бухточку в виде идеального полумесяца – ее как будто выгрызло в камне какое-то гигантское морское чудовище – и решили высадиться на берег. Белый песочек, обступающие, сулящие защиту скалы. Катер тихо вкатился в бухту, и мы бросили якорь.

Тут-то ледник и напомнил о себе. Мать и Спиро достали из него невероятный ассортимент: ножки ягненка, начиненные чесноком, лобстеров, а еще чудесные штучки под названием «слойки с карри». Некоторые из них действительно соответствовали названию, в другие же мать положила самые разные деликатесы. Мы все разлеглись на палубе и набросились на еду.

В носовой части высилась пирамида из арбузов – такие хорошо накачаные зеленые футбольные мячи в белую полоску. То и дело какой-нибудь из них на время убирали в ледник, чтобы потом разрезать. Красивая розовая мякоть хрустела на зубах, как вафельный стаканчик мороженого, – мечта, да и только. Я получал удовольствие, выплевывая черные семечки за борт, где на них набрасывались рыбешки, загла-

тывали и тут же выплевывали. А вот рыбы побольше, удивительное дело, втягивали их в себя, как пылесосы.

После трапезы мы плавали, кроме матери, Теодора и Свена, увлеченных эзотерической беседой на тему колдовства, вампиров и домов с привидениями, а также Спиро и Таки, занятых мытьем посуды.

Это была фантастика – прыгать с бортика в темную воду, которая разлеталась фосфоресцирующим зеленоватым фейерверком. Такое впечатление, будто ты прыгнул в костер. Под водой мы тоже оставляли за собой фосфоресцирующий след из миллионов миниатюрных звезд. И когда Леонора, последней вылезавшая из воды, вскарабкалась на борт, на мгновение показалось, будто ее тело инкрустировано золотом.

– Господи, до чего ж хороша, – восхитился Ларри. – Но мои ухаживания игнорирует. Видимо, лесбиянка.

– Ларри, дорогой, ты не должен говорить о людях такие вещи, – упрекнула его мать.

– Да, хороша, – согласился с ним Свен. – Даже жаль, что я по другой части. Впрочем, в этом есть свои преимущества.

– Лучше всего быть бисексуалом, – сказал Ларри. – Тогда ты срываешь золотые плоды и в том саду, и в этом.

– Ларри, дорогой, мне, в отличие от тебя, эта тема не кажется интересной, особенно в присутствии Джерри.

В носовой части катера Мактавиш выполнял сложные физические упражнения.

– Как же он меня раздражает. – Ларри подлил себе вина. – Зачем столько тренироваться, если ты больше ничем не занимаешься?

– Дорогой, ты можешь без комментариев? – попросила его мать. – Лодка маленькая, он может тебя услышать.

– Я бы понял, если бы он не пропускал ни одной корфианки, но ведь ничего подобного.

Выполняя упражнения, Мактавиш в сотый раз рассказывал Лесли, валявшемуся рядом, про свою службу в королевской конной полиции. Истории были очень увлекательные и все заканчивались тем, что он прижимал к ногтю преступника.

– О-о-о-о-о-о! – заорала вдруг Марго, да так громко, что Ларри от неожиданности перевернул стакан с вином.

– А можно без этих внезапных криков чайки? – возмутился он.

– Я вдруг вспомнила, что завтра мамин день рождения.

– У матер день рождения? Почему же вы наз не предупредили? – спросил Макс.

– Ради этого мы все затеяли. Чтобы устроить ей праздник, – пояснила Марго.

– У матер день рождения, а у наз нет для нее подарка, – сокрушался Макс.

– На этот счет не надо волноваться, – успокоила его мать. – В моем возрасте уже нечего праздновать.

– Прийти на день рождения без подарка – это последнее

дело, – заметил Дональд. – Да, последнее дело.

– Прошу вас, не надо. Вы меня ставите в неловкое положение.

– Я буду для вас играть весь день, дорогая миссис Даррелл, – пообещал Свен. – Музыка будет моим подарком.

Хотя Свен мог сыграть песню вроде «Есть в городе таверна», его коньком был Бах, и я видел, как мать содрогнулась при мысли, что ее весь день будут терзать Бахом.

– Нет, нет, – поспешила она его остановить. – Не беспокойтесь.

– Завтра мы устроим настоящее торжество, – сказал Макс. – Мы найдем озорное место и отпразднуем матер в континентальном стиле.

Через какое-то время мы расстелили привезенные матрасы и быстро провалились в сон, а луна, красная, как грудка малиновки, плыла над горами, постепенно делаясь лимонно-желтой, а потом серебряной.

На рассвете нас разбудил – и, соответственно, вывел из себя – Свен, заигравший на аккордеоне «Happy birthday to you». Он стоял перед матерью на коленях и восторженно следил за ее реакцией. Мать, не привыкшая к столь громким звукам над самым ухом, очнувшись, заблуждала:

– Что такое? Что такое? Мы тонем?

– Свен, бога ради, пять утра! – воззвал к нему Ларри.

– У матер день рождения, – спросонья забормотал Макс. – Начинаем праздновать. Все поют. Свен, еще раз!

Он вскочил, ударился головой о мачту и принялся дирижировать своими длинными ручищами. Полусонные, мы неохотно затянули хором «Happy birthday», а мать сидела, отчаянно стараясь не уснуть.

– Я сделать чай, миссис Даррелл? – предложил Спиро.

– Прекрасная мысль, – ответила мать.

Состоялось вручение подарков, которые она принимала с благодарностью, включая инкрустированный жемчугом револьвер от Лесли, хотя и добавила, что лучше пусть он держит его у себя. Так будет спокойнее, сказала она, потому что, если она положит его под подушку, а он вдруг выстрелит посреди ночи, все может для нее плохо кончиться.

После чая и короткого купания все пришли в себя.

Взошло солнце, ночной туман клубился над водой мотками беловатой пряжи. Море казалось огромной синей овцой, которую аккуратно стрижет солнце. После завтрака из фруктов и сваренных вкрутую яиц был запущен мотор, и мы продолжили наше путешествие.

– Мы должны найти отличное мезто и устроить там обед для матер, – сказал Макс. – Это будет райский зад.

– Райский сад, – поправил его Дональд.

– Вот где я для вас поиграю, миссис Даррелл, – сказал Свен.

Мы обогнули мыс, будто сложенный из огромных кирпичей красного, белого и золотистого оттенка и украшенный, как зонтом, большой пинией, которая, прижавшись к само-

му краю, опасно нависла над водой. Как оказалось, пиния охраняла вход в бухточку, где на берегу раскинулась деревня в несколько десятков домов, а за ней, на склонах горы, виднелись развалины старого венецианского форта.

– Интересно. Почему бы нам не взглянуть на это поближе? – предложил Ларри.

– Я бы туда не ходить, господин Ларри, – нахмурился Спиро.

– Это почему же? Очень милая деревенька и интересный форт.

– Там практически турки.

– Что значит «практически»? – не понял Ларри. – Ты или турок, или не турок.

– Они себя вести как турки, не как греки, поэтому они турки, – объяснил Спиро.

Эта логика всех немного озадачила.

– Но даже если они турки, какая разница?

– Некоторые... м-м... отдаленные деревни испытали на себе сильное турецкое влияние, после того как турки вторглись в Грецию, – со знанием дела сказал Теодор. – Местные жители переняли турецкие обычаи, и потому, как верно указывает Спиро, они скорее турки, чем греки.

– Да не все ли нам равно? – теряя терпение, воскликнул Ларри.

– Они недолюбливают иностранцев, – пояснил Теодор.

– Не станут же они возражать против того, чтобы мы

осмотрели форт. К тому же деревня крошечная. Я думаю, нас в три раза больше, чем жителей. А если они поведут себя воинственно, мы пошлем вперед мать с ее перламутровым револьвером. Это их сразу успокоит.

– Вы точно туда хотите? – спросил Спиро.

– Хочу, – подтвердил Ларри. – Вы что, боитесь горстки турок?

Спиро побагровел так, что я испугался, как бы с ним не случился удар.

– Господин Ларри, вы так не говорить. Я не бояться какие-то паршивые турки.

Он пошел на корму и велел Таки направить катер к причалу.

– Ларри, дорогой, зачем ты такое говоришь? – упрекнула его мать. – Обидел человека. Ты же знаешь об их отношении к туркам.

– Да никакие они не турки, они греки, – заспорил он.

– Строго говоря, они греки, но их от турок уже не отличить, – рассуждал Теодор. – Такой вот любопытный сплав.

Мы взяли курс на причал, а мальчишка, удивший там рыбу, подхватил удочку и помчался в деревню.

– Что, если он побежал всех предупредить? И они сейчас выскочат с ружьями? – занервничала Леонора.

– Глупости, – отрезал Ларри.

– Я схожу на разведку, – предложил Мактавиш. – Мне не привыкать. В Канаде, когда я гонялся за преступниками, ме-

ня частенько заносило в отдаленные поселения индейцев. Я умею находить общий язык с простыми людьми.

Ларри простонал и уже готов был отпустить ехидную реплику, но был остановлен испепеляющим взглядом матери.

– Главное, – продолжил Мактавиш, беря разработку операции в свои руки, – идти с таким видом, будто мы... Э...

– Туристы? – простодушно спросил Ларри.

– Будто у нас и в мыслях нет совершить что-то нехорошее, – уточнил Мактавиш.

– О боже, – воскликнул Ларри. – Можно подумать, что мы оказались в африканских джунглях.

– Ларри, дорогой, помолчи, – попросила его мать. – Мистер Мактавиш знает, что говорит. И не забывай, чей сегодня день рождения.

Мы все высадились на причал и пару минут несли какую-то чушь, тыча пальцами в разные стороны.

– Ну вот, а теперь можно идти в деревню, – объявил Мактавиш.

Оставив Спиро и Таки охранять катер, мы двинули вперед.

Деревня насчитывала тридцать-сорок домов, маленьких, сверкающих побелкой, увитых виноградной лозой либо в богатой одежде из лиловой бугенвиллеи.

Впереди четко, по-военному вышагивал Мактавиш, этакий бесстрашный солдат французского Иностранного легиона, готовый усмирить взбунтовавшееся арабское поселение,

а за ним следовали остальные.

В деревне была одна, так сказать, главная улица, а от нее расходились к домам узкие дорожки. Когда мы шли по одной из них, из дома выскочила женщина с закрытым лицом, в ужасе посмотрела на нас и быстро скрылась в боковой улочке. Я впервые увидел такой головной убор и был сильно заинтригован.

– Что у нее с лицом? – спросил я. – Она его забинтовала?

– Нет, нет. Это никаб, – объяснил Теодор. – Если здесь царят турецкие обычаи, то женщины покрывают свои лица.

– Я всегда считал это дурацкой идеей, – сказал Ларри. – Если у тебя красивое лицо, то его надо всем показывать. А вот если она много болтает, то я за кляп во рту.

Улица ожидаемо привела нас к маленькой площади, которую украшала прекрасная раскидистая пиния, а в ее тени были расставлены столики и стулья. Кафешка, как и паб в любой английской деревне, служила источником не только еды и вина, но также местных сплетен и поклепов. Меня удивило, что за все это время мы не встретили ни одной живой души, если не считать женщины в никабе. Если бы все происходило в корфианской деревне, нас бы уже окружала голая толпа. Но, выйдя на площадь, мы поняли – по крайней мере, так нам показалось – истинную причину: за столиками сидели мужчины, в основном пожилые, с окладистыми седыми бородами, в шароварах, потертых рубашках и *charukias*, необычных красных кожаных туфлях с загнуты-

ми носами, украшенными цветастыми помпонами. Нас они встретили гробовым молчанием. Просто уставились, и все.

– Ага! – радостно воскликнул Мактавиш. – *Kalimera*<sup>2</sup>, *kalimera*, *kalimera*!

Если бы дело происходило в греческой деревне, тотчас последовал бы ответ на это приветствие «С добрым утром!». Кто-то сказал бы: «Мы вам рады», другие *Herete*, то есть «будьте счастливы», третьи *Kalimera*. Здесь же не было никакой реакции, если не считать того, что один или два старика мрачно кивнули.

– Давайте зайдем пару столиков и выпьем, – предложил Мактавиш. – А когда они к нам привыкнут, мы все сплотимся.

– Что-то мне это не нравится, – занервничала мать. – Не лучше ли нам с Марго и Леонорой вернуться на катер? Здесь же одни мужчины.

– Глупости. Не заводись, – успокоил ее Ларри.

– Я понял, – начал Теодор, подняв глаза к раскидистой кроне, – я понял, почему этот мальчик побежал в деревню. Когда появляются иностранцы, местным женщинам предписывается сидеть дома. Вот он и побежал всех предупредить. И вообще, когда местные мужчины гуляют, появление дам... э-э... м-м... может им показаться... э-э... необычным.

Еще бы. Лица наших дам не прикрывал никаб, а Марго и Леонора к тому же были в открытых хлопчатобумажных

---

<sup>2</sup> Добрый день (*греч.*).

платьях, выставивших напоказ некоторые части анатомии.

Мы сдвинули несколько столиков, подвинули стулья и расселись. Деревенские, которые вопреки прогнозам Ларри превосходили нас числом раз в пять, продолжали молча глядеть на нас, бесстрастные, как ящерицы. После долгого ожидания, заполненного отрывочной беседой, из кафешки вышел пожилой мужчина и с явной неохотой подошел к нам. Сильно нервничая, мы встретили его дружным *Kalimera*, и, к нашему несказанному облегчению, он ответил тем же.

– Нам, пожалуйста, выпивку и *meze*, – сказал Мактавиш, гордившийся своим знанием греческого.

Последнее было излишним, так как *meze*, включающее в себя оливки, орешки, вареные яйца, огурчики, сыр и все такое, подается в Греции автоматически вместе с выпивкой. Даже бывший офицер королевской конной полиции, видимо, занервничал в этих обстоятельствах.

– Хорошо. – Хозяин кафе кивнул с серьезным видом. – Что вы будете пить?

Мактавиш собрал все пожелания, от имбирного пива и узо до бренди и рецины, и перевел на греческий.

– У меня есть только красное вино, – сказал хозяин.

Во взгляде Мактавиша промелькнула растерянность.

– Что ж, тогда принесите нам красного вина и *meze*.

Хозяин кивнул и прошаркал обратно в сумрачную кафешку.

– Зачем он меня спросил, что мы будем пить, отлично

зная, что у него только красное вино? – риторически произнес Мактавиш.

Он очень любил греков и бойко говорил на их языке, но их логика его озадачивала.

– Все же так понятно, – с досадой ответил ему Ларри. – Он хотел узнать, что вы хотите пить, и если бы вы попросили красное, он бы вам его принес.

– Да, но почему сразу не сказать, что, кроме красного, больше ничего нет?

– В Греции это невозможно. Слишком логично, – терпеливо разъяснил ему Ларри.

Мы сидели за столом под недружелюбными взглядами и ощущали себя актерами на сцене, одновременно позабывшими все реплики. Наконец шаркающей походкой вышел хозяин со старым оловянным подносом, на котором по непонятной причине красовался портрет королевы Виктории. Он поставил на стол тарелочки с черными маслинами и порезанным на кусочки белым козьим сыром, а также два кувшина с вином и стаканы, хотя и чистые, но такие выщербленные и потертые, что с ними мог передаться целый букет редких болезней.

– Не сказать, чтобы мезные жители выглядели счастливыми, – заметил Макс.

– Чему ты удивляешься? – откликнулся Дональд. – Столько паршивых иностранцев свалилось на их бедные головы. Конечно, в Англии все было бы иначе.

– Ага, – саркастически подхватил Ларри. – Мы бы уже с ними отплясывали моррис<sup>3</sup>.

Хотя мужской состав зрителей принципиально не изменился, в нашем нервном состоянии он стал казаться откровенно враждебным.

– Музыка действует успокаивающе даже на дикого зверя, – объявил Свен. – Я вам сейчас поиграю.

– Что-нибудь повеселее, – попросил Ларри. – Если это будет Бах, они сразу пойдут за своими дульнозарядными карамультуками.

Свен пристроил аккордеон на груди и сыграл чудную польку, которая бы растопила сердце любого грека. Но только не нашу аудиторию. Хотя напряженная атмосфера как будто несколько разрядилась.

– Я правда считаю, что нам троим лучше уйти на катер, – повторила мать.

– Нет-нет, дорогая миссис Даррелл, – запротестовал Мактавиш. – Уверяю вас, мне хорошо знакома подобная ситуация. Этим простым людям требуется время, чтобы привыкнуть к чужакам. Но поскольку музыка на них не действует, я думаю, пора попробовать магию.

– Магию? – Теодор подался вперед, с нескрываемым интересом заглядывая ему в глаза. – Это в каком же смысле?

– Фокусы, – пояснил Мактавиш. – Я увлекаюсь этим в сво-

---

<sup>3</sup> *Моррис* – английский народный танец, возможно происходящий от карнавального танца под названием мореска («танец мавров») в средневековой Италии.

бодное время.

– О господи, – вырвалось у Ларри. – Может, сразу раздать им бусы?

– Ларри, помолчи, – зашипела на него Марго. – Он знает, что говорит.

– Ну, если ты так считаешь...

Мактавиш направился в кафе и вынес оттуда тарелку с четырьмя яйцами. Он аккуратно положил их на стол и отступил на шаг, давая молчаливым жителям деревни пространство для обзора.

– Мой первый трюк – с яйцами! – Он произвел манипуляции руками, как профессиональный фокусник. – Могу я у кого-нибудь одолжить нечто, куда я их положу?

– Как насчет носового платка? – предложил Дональд.

– Нет, – он бросил взгляд в сторону деревенских, – что-то более зрелищное. Миссис Даррелл, не будете ли вы так любезны одолжить мне вашу шляпу?

В летние месяцы наша мать носила большую соломенную шляпу, в которой она, с учетом ее миниатюрности, была похожа на оживший гриб.

– Я бы не хотела, чтобы на ней остались пятна.

– Нет-нет, уверяю вас, ничего такого.

Мать неохотно сняла шляпу и отдала Мактавишу. Тот изящным движением опрокинул ее на стол и, убедившись, что деревенские за ним наблюдают, бережно уложил одно яйцо в шляпу, зажал в горсти поля и хлестко ударил шляпой

по боковине стола.

– Из того, что нам удастся собрать, можно будет сделать омлет, – объявил Ларри.

Тут Мактавиш раскрыл шляпу и показал всем, включая деревенских, что она пуста. Потом он проделал тот же фокус со вторым яйцом и с третьим, а результат все тот же. Глаза наших соседей заметно оживились, а после повторения трюка с четвертым яйцом, они уже начали перешептываться. Мактавиш широким жестом продемонстрировал всем пустую шляпу. Затем еще раз положил ее на стол и сомкнул поля, а потом снова раскрыл, извлек из шляпы четыре целехоньких яйца и переложил их в тарелку.

Даже Ларри был под впечатлением. Разумеется, это был простой трюк, который сами фокусники называют пальмированием: ты как будто кладешь предмет в ту же шляпу, а на самом деле он остается у тебя в ладони, а затем ты его прячешь на себе. Я видел, как это проделывали с наручными часами и другими мелкими предметами, но с яйцами, да еще так ловко... Их и спрятать труднее, и легко разбить, тем самым все испортив.

Мактавиш поклонился под наши дружные аплодисменты, и, вот уж удивительно, послышались отдельные хлопки за соседними столиками, а кое-кто из стариков, страдающих близорукостью, даже поменялся местами с молодежью, чтобы оказаться к нам поближе.

– Ну, что я говорил! – с гордостью произнес Мактавиш. –

Магия способна творить чудеса.

Тут он вынул из кармана колоду карт и стал проделывать обычные трюки: подбрасывал карты в воздух и снова собирал в горсти, расстилал по вытянутой руке, при этом ни одной не роняя. Деревенские, заинтересовавшись не на шутку, перебирались к нам поближе, а близорукие старики и вовсе придвинули стулья практически к нашему столику.

Мактавиш откровенно наслаждался своим успехом. Он засунул в рот яйцо, пожевал его и, продемонстрировав пустой рот, извлек яйцо из кармана рубашки. Деревенские наградили его дружными аплодисментами.

– Здорово, правда? – сказала Марго.

– Я же тебе говорил, что он в порядке, – сказал Лесли. – И еще неплохо стреляет.

– Надо будет узнать, как он проделывает эти... м-м... трюки, – сказал Теодор.

– Интересно, он умеет перепиливать женщину? – задумчиво произнес Ларри. – Так, чтобы можно было забрать себе действующую половину, которая при этом не разговаривает.

– Ларри, дорогой, пожалуйста, не при Джерри, – сказала мать.

И вот для Мактавиша настал звездный час. В первом ряду сидели седобородые старики, а за ними стояли молодые люди и вытягивали шеи, чтобы ничего не пропустить. Мактавиш подошел к самому почтенному старцу, по-видимому деревенскому старосте, ибо ему предложили наиболее по-

четное и выигрышное место за столом. Подняв вверх руки с растопыренными пальцами, Мактавиш обратился к нему по-гречески:

– Я вам покажу еще один фокус.

Из бороды старейшины он быстро выудил драхму и бросил серебряную монету на землю. У собравшихся вырвался возглас изумления. А иллюзионист, снова показав растопыренные пальцы, на этот раз извлек из длинной бороды монету в пять драхм, которую тоже швырнул на землю.

– Вы все видели, как я с помощью магии достал из бороды вашего старейшины эти монеты, – произнес он по-гречески.

– А еще можете? – дрожащим голосом попросил старейшина.

– Да-да, – подхватили остальные, – еще можете?

– Посмотрим, на что способна магия, – сказал Мактавиш, который уже не мог остановиться.

Одну за другой он выхватывал из бороды старейшины монеты по десять драхм и кидал их на землю, где образовалась уже целая кучка. В те дни Греция была такой бедной страной, что этот серебряный дождь из бороды воспринимался как настоящее богатство.

Мактавиш вконец зарвался. Когда он достал из бороды старика банкноту достоинством в пятьдесят драхм, вокруг все заголосило. Его это еще больше подстегнуло, и он извлек четыре такие же банкноты. Старик сидел как замороженный и шепотом воссылал хвалы тому или иному святому за со-

творенные чудеса.

– Мне кажется, было бы разумно на этом остановиться, – осторожно посоветовал Теодор.

Но Мактавиш вошел в такой раж, что утратил чувство опасности. Он выхватил из бороды старейшины несколько банкнот достоинством в сто драхм. Аплодисменты были оглушительные.

– А теперь мой последний фокус!

Он снова продемонстрировал, что в руках у него ничего нет, нагнулся и выдернул из бороды целую пачку банкнот по пятьсот драхм.

В ногах у старейшины лежало в пересчете на наши деньги что-то около десяти или пятнадцати фунтов, что по меркам местного крестьянина было пределом мечты.

– Извольте. – Мактавиш поворачивался перед зрителями с самодовольной улыбкой. – Безотказный номер.

– Как же вы их порадовали, – сказала мать, окончательно расслабившись.

– Я же вам говорил: «Миссис Даррелл, не волнуйтесь», – напомнил он.

И тут он совершил фатальную ошибку. Он нагнулся, собрал все деньги и положил их себе в карман.

Толпа взвыла.

– Я... м-м... ждал чего-то такого, – сказал Теодор.

Старейшина не без труда поднялся и замахал кулаком перед носом у Мактавиша. Негодующие крики толпы напоми-

нали растревоженный птичий базар.

– В чем дело? – не понял иллюзионист.

– Вы украли мои деньги! – возмутился старейшина.

– Вот сейчас, – обратился Ларри к матери, – вам троим лучше вернуться на катер.

Наши женщины выпорхнули из-за стола и с достоинством засемили прочь по главной улице.

– Почему *ваши* деньги? – искренне недоумевал Мактавиш. – Это *мои* деньги.

– С какой стати они ваши, если вы их достали из моей бороды?

Мактавиша в очередной раз сразила греческая логика.

– Неужели вы не понимаете, – старательно принялся он объяснять, – что это всего лишь магия? На самом деле это мои деньги.

– НЕТ! – хором завопила вся деревня. – Если вы их достали из его бороды, то это *его* деньги!

– Вы что, не понимаете? Это же фокусы, – отчаянно защищался Мактавиш. – Я показывал фокусы.

– Вот именно. Фокус был в том, чтобы украсть мои деньги! – заявил старейшина.

– ДА! – согласилась с ним толпа.

– По-моему, старик выжил из ума, – обратился Мактавиш к Ларри. – Он не понимает самых простых вещей.

– Это вы сваяли дурака, – последовал ответ. – У него своя логика.

– Какая логика? Это мои деньги, – артачился Мактавиш. – Я их просто пальмировал.

– Это мы с вами знаем, дуралей, а они не знают.

Нас окружила толпа свирепых и негодующих жителей, требующих справедливости в отношении старейшины.

– Верните ему деньги, – кричали они, – или мы вашу «бензину» не выпустим отсюда!

– Мы вызовем афинскую полицию! – выкрикнул какой-то старик.

На одни переговоры с Афинами ушло бы несколько недель и еще столько же на судебные разбирательства (если, конечно, оттуда пришлют полицейского), так что ситуация становилась тревожной.

– Мне кажется... м-м... – заговорил Теодор, – что вам лучше отдать ему деньги.

– Я всегда говорю про иностранцев: необузданные и жадные, – заметил Дональд. – Как наш Макс. Постоянно одалживает у меня деньги и никогда не отдает.

– Злушай, не начинай, – отмахнулся Макс. – Нам бы з этими разобраться.

– Теодор дело говорит, – поддержал его Ларри. – Верните ему деньги, Мактавиш.

– Почти пятнадцать фунтов! – возмутился тот. – За невинные фокусы.

– Если не вернете, вы просто так не унесете отсюда ноги. Непременно побьют.

Мактавиш распрямился во весь рост:

– Я готов драться.

– Не валяйте дурака, – устало сказал Ларри. – Если все эти крепкие парни разом на вас набросятся, они вас растерзают.

– Тогда компромисс. – Мактавиш выгреб из кармана все драхмы. – Вот, – обратился он к старейшине по-гречески. – Хотя эти деньги не ваши, я отдаю вам половину, чтобы вы могли купить себе вина.

– НЕТ! – в один голос заорали деревенские. – Вы отдадите ему всё!

Проводив на катер Леонору и Марго, мать вернулась спасать меня, и вид разъяренной толпы привел ее в ужас.

– Ларри! Ларри! – закричала она. – Спасай Джерри!

– Глупости, – крикнул он ей в ответ. – Если кого-то из нас не побьют, так это его.

Тут он был абсолютно прав. Даже в такой ситуации грек может ударить ребенка разве что случайно.

– Надо отступить в угол и попробовать отбиться, – сказал Дональд. – С какой стати мы должны подчиняться этим иностранцам? В Итоне я неплохо боксировал.

– А вы... м-м... обратили внимание, что у большинства из них... э-э... есть ножи? – произнес Теодор так, словно он обсуждал музейные экспонаты.

– Я знаю, как драться на ножах, – сказал Макс.

– Только у тебя нет ножа, – заметил Дональд.

– Это правда, – задумчиво произнес Макс, – но езли ты

одного из них звалишь, я заберу у него нож, и тогда мы им возьмем покажем.

– По-моему, это не очень хорошая идея, – сказал Теодор.

А толпа продолжала бушевать, пока Мактавиш пытался уговорить старейшину поделить доходы от его бороды пополам.

– Ты спасешь Джерри или нет? – крикнула мать из-за чужих спин.

– Мать, прекрати, – закричал в ответ Ларри. – Джерри в порядке, а ты только усугубляешь.

– Судя по тону и отдельным словам, будет лучше, если мы его уговорим отдать все деньги, – сказал Теодор. – В противном случае нас ждут большие неприятности.

– Так ты спасешь Джерри? – снова крикнула мать.

– О господи!

Ларри, потеряв всякое терпение, одной рукой схватил Мактавиша, а другой вынул из его кармана купюры и вручил их старейшине.

– Что вы делаете? Это мои деньги! – возмутился Мактавиш.

– А это моя жизнь, с которой вы играете, – отрезал Ларри. Он обратился к старейшине по-гречески: – Вот деньги, которые этот *kyrios*<sup>4</sup> с помощью магии достал из вашей бороды. – Развернувшись, он схватил Мактавиша за плечи и, глядя ему прямо в глаза, сказал: – Сейчас вы от меня кое-

---

<sup>4</sup> Господь (*греч.*). Здесь – уважительное обращение к человеку.

что услышите, а ваше дело согласно кивать, понятно?

– Хорошо, хорошо. – От такой воинственности со стороны Ларри Мактавиш даже оробел.

Ларри приложил ладонь к его сердцу и продекламировал:

Варкалось. Хливкие шорьки  
Пырялись по наве,  
И хрюкотали зелюки,  
Как мюмзики в мове<sup>5</sup>.

Мактавиш, огорошенный неожиданным апломбом, с каким Ларри взял бразды правления в свои руки, а также непонятными стихами, которых он раньше никогда не слышал, всю кивал головой после каждой строчки. Ларри повернулся к старейшине:

– *Kyrios*, поскольку у него доброе сердце, согласился отдать вам все деньги, но с одним условием. Вы ведь слышали про тех, кто ищет воду с помощью лозы?

В толпе закивали.

– Этим людям платят за их работу.

– Да, – согласилась толпа.

– И когда они находят воду, она принадлежит всем, – продолжал Ларри.

Он заговорил на понятном им языке. Вода и хлеб – на этом стоит любая деревня.

---

<sup>5</sup> Слова Бармаглота из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла в переводе Д. Орловской.

– Иногда лозоискатели находят воду, иногда нет. Так и этот господин: иногда находит деньги в чьей-то бороде, иногда нет. Вам повезло, что у вас хороший старейшина, вот у него деньги и нашлись. Почти девять тысяч драхм. А так как, повторяю, *kyrios* человек добрый, он решил не брать своей обычной платы.

Толпа дружно выдохнула «А-а-а-а», в котором соединились радость и непонимание подобной щедрости.

– Но в ответ он просит вас о милости, – сказал Ларри. – Чтобы старейшина потратил эти деньги на благо всей деревни.

Тут старейшина сильно помрачнел, а толпа зааплодировала.

– Ибо, – как настоящий оратор, возгласил Ларри, который поглотил достаточно вина и вошел в раж, – с деньгами, – как с водой: они должны принадлежать всем.

Грянула такая овация, что слова, промямленные старейшиной, потонули в ней.

– Пожалуй, сейчас самое время откланяться, – встрял Теодор. – Так сказать, на высокой ноте.

Мы шли по главной улице, а за нами следовала толпа, и каждый желал похлопать Мактавиша по спине или пожать ему руку. В общем, к тому моменту, когда мы дошли до причала, он чувствовал себя главным офицером королевской конной полиции и полагал, что такое поклонение вполне оправдывает потерю пятнадцати фунтов. Наше отплытие

даже задержалось на несколько минут, потому что старейшина должен был его обнять и поцеловать в обе щеки, а затем его примеру последовали другие старики.

Наконец он присоединился к нам, порозовевший от всеобщей любви, и заявил с порога:

– Ну, что я вам говорил? Я умею находить общий язык с простыми людьми.

– Ноги моей больше не будет в этой деревне! И поскольку сегодня мой день рождения, я надеюсь, что мои пожелания будут учтены, – сказала мать.

– Конечно, матер, дорогая, – заверил ее Макс. – Мы найдем для вас прекрасное место, где можно поесть.

Мы подняли якорь, завели мотор, и громче его тарахтения звучали пожелания удачи и аплодисменты, сопровождавшие наш отъезд.

Когда подошло время обеда, мы облюбовали очаровательную полоску белого и мягкого песчаного пляжа. Накануне Таки поймал на удочку кефаль, и сейчас Спиро, разведя костер, зажарил этих вкусных рыб.

Свен, Дональд и Макс, до сих пор переживающие, что им нечего подарить матери, придумали развлечение. Скульптор Свен соорудил из мокрого песка большую обнаженную женщину, которой имениннице пришлось восхищаться, а затем сыграл ей на аккордеоне – к счастью, не Баха, а разудалые мелодии.

Дональд с Максом о чем-то тайно посоветовались со Све-

ном, и тот с готовностью кивнул.

– Сейчас мы для вас исполним старый австрийский танец, – сказал Дональд матери.

Услышать такое от интроверта Дональда было настолько неожиданным, что даже Ларри потерял дар речи. Свен заиграл живую музыку, чем-то похожую на мазурку, долговязый нескладный Макс и невысокий бледнолицый Дональд, отвед друг другу церемонные поклоны, взяли за руки и пустились в пляс. Делали они это на удивление хорошо: прыгали и вращались, похлопывали друг друга по коленкам и плечам, подскакивали и шлепали себя по ноге, совершали еще какие-то затейливые маневры. Мне они напоминали танцующих морскую кадрили Грифона и Черепаху Квази из «Алисы в Стране чудес». Когда они закончили, мы все, не сговариваясь, им захлопали, а они, сияя и обливаясь потом, под другую мелодию сплясали нам на бис.

После того как наш кордебалет охладился в морской воде, вся компания, развалившись на песке, ела вкусную, сочную, слегка обгорелую рыбу, отдававшую приятным запахом дымка и углей, а на десерт были разнообразные фрукты.

– Праздничный обед удался на славу, – сказала мать. – Мне все понравилось. А музыка Свена и танцы Дональда с Максом стали достойным завершением.

– Надо еще устроить праздничный ужин, – сказал Макс. – Найдем другой пляж и устроим праздник.

Мы снова погрузились на катер и двинули вдоль берега.

День клонился к закату, и на небе появились яркие красные, зеленые и золотистые мазки, когда мы обнаружили идеальное место для стоянки. Круглая бухточка с небольшим пляжем, который обступили высокие скалы, переливающиеся, как кожа мандаринов, в лучах заходящего солнца.

– Как красиво, – сказала мать.

– Вот тут мы устроим праздничный ужин, – обрадовался Макс.

От этой предзакатной красоты перехватывало дыхание.

Спиро объявил Таки, что здесь мы заночуем. Таки оказался тут впервые и потому, увы, ничего не знал о существовании песчаной отмели. На нее-то лодка и наскочила, к тому же на приличной скорости, и резко остановилась. Мать, стоявшая на корме и восхищавшаяся закатом, полетела за борт. Хотя она порой отваживалась в жару полежать на мелководе, плавать она не умела. И все, кроме Таки, об этом знали. Вот почему все разом попрыгали в воду ее спасать – включая Спиро, который обожал мать, но тоже не умел плавать. В результате спасательная операция превратилась в настоящий хаос.

Дональд и Макс, ныряя, столкнулись головами, а Леонора зацепилась за борт и разодрала ногу. Марго искала мать на дне, хотя та барахталась на поверхности с помощью Лесли и Мактавиша, и вынырнула, уже задыхаясь. А Ларри лишь с третьего раза удалось выловить тонущего Спиро.

Каждый раз, всплывая и отплевываясь, Спиро кричал ма-

тери:

– Не волноваться, миссис Даррелл, не волноваться!

Лесли с Мактавишем отбуксировали задыхающуюся, барахтающуюся мать на мелководье, где она могла сидеть и откашливаться, наглотавшись морской воды, а рядом то же самое проделывал Спиро, которого на песчаную отмель вытащил Ларри. Когда они немного отошли, мы усадили их в лодку и дали обоим по хорошему глотку бренди: матери – чтобы прийти в себя от падения в воду, а Спиро – чтобы оправиться от шока при виде тонущей матери.

– Боже правый, – воскликнул он. – Я подумал, миссис Даррелл, что вы утонуть.

– Я тоже так думала, – призналась она. – На такой глубине я еще никогда не плавала.

– Вот и я, – с серьезным видом сказал он.

Таки завел мотор и дал задний ход, а мы сообща толкали катер, и в конце концов наши общие усилия увенчались успехом. Обследовав песчаную отмель, Таки изменил курс, и на этот раз мы без проблем вошли в бухту.

Мы разожгли костер и полакомились осьминогом и мелкими каракатицами из нашего ледника, а дальше последовали холодная курица и фрукты.

– Теперь ты видишь, какая это была хорошая идея – взять с собой ледник, – проговорил Ларри с набитым ртом, отправив туда щупальце осьминога.

– Да, дорогой, – сказала мать. – Тогда мне так не показав-

лось, но сейчас я с тобой полностью согласна. Правда, лед довольно быстро тает.

– Это нормально. На наш век хватит.

Луна была такая красивая, что мы любовались ею, лежа в теплой воде и попивая вино за разговором. Более безмятежный вечер трудно было себе представить. И вдруг раздались выстрелы, эхом отозвавшиеся среди окрестных скал.

Это Лесли и Мактавиш, ни слова никому не сказав, взяли материнский револьвер с перламутровой рукоятью и отправились в дальний конец бухты, и там Мактавиш демонстрировал, какой быстрой стрельбе учат в канадской королевской конной полиции.

– Какого черта! – воскликнул Ларри. – Они решили превратить тихую бухту во второй Бисли?<sup>6</sup>

– Боже правый, я подумать, что это мерзкий турки, – признался Спиро.

– Лесли, дорогой, прекрати, пожалуйста! – закричала ему мать.

– Мы практикуемся, – последовал ответ.

– Ты себе не представляешь, какое тут ужасное эхо. У меня разболится голова.

– Ладно, – проворчал Лесли.

– В чем его проблема, – сказал Ларри. – Он не эстет. Прекрасное теплое море, хорошее вино, полная луна – а чем занимается он? Палит из револьвера.

---

<sup>6</sup> *Бисли* – знаменитое английское стрельбище.

– Можно подумать, ты никогда нас не раздражаешь, – фыркнула Марго.

– Это чем же? – удивился Ларри. – Да я единственный разумный член этой семьи.

– У тебя разума не больше, чем у... чем у лунатика.

– Дорогие, не ссорьтесь, – вмешалась мать. – Сегодня как-никак мой день рождения.

– Я вам сыграю, – предложил Свен и исполнил несколько мелодий, нежных и красивых, что было трудно ожидать от аккордеона. Они прекрасно соответствовали пейзажу и вечерней атмосфере.

После чего мы выгрузили матрасы, расстелили их на песке и один за другим провалились в сон.

Утром, после завтрака, мы быстро поплавали и сели в лодку. Таки выбрал якорь и завел мотор, который кашлянул и тут же заглох.

– Только не говорите мне, что у нас проблемы с мотором, – всполошился Ларри.

Спиро, хмурясь, пошел выяснять отношения с Таки. Сначала они о чем-то тихо переговаривались, и вдруг Спиро взревел, как бык, и обрушил на его голову поток оскорблений.

– Что случилось? – спросил Ларри.

– Болваны, мерзавцы! – Спиро, красный от гнева, тыкал коротким пальцем в сторону Таки. – Извинить меня, миссис Даррелл... он забыть запас бензин.

– То есть как забыл? – спросили мы хором.

– Говорит, что хотел брать, но потом пошел за ваш ледник и совсем забыть.

– Вот! – закричала мать. – Так я и знала! Не надо было вытаскивать ледник!

– Хватит уже об этом, – одернул ее Ларри. – Ближайшее место, где можно достать бензин?

– Говорит, Металура, – объяснил Спиро.

– Нет ничего проще, – заявил Мактавиш. – Сплываем туда на ялике.

– Я не знаю, заметили ли вы, но у нас нет ялика, – напомнил ему Дональд.

Очень странно, что никто из нас не обратил на это внимания: обычно «бензина», совершающая подобный переход, тащит за собой лодчонку.

– Ничего. – Мактавиш поиграл мускулатурой. – Я в отличной форме. Сплываю и попрошу о помощи.

– Десять километров, – с мрачным видом изрек Спиро.

– Для отдыха можно выбираться на берег, – сказал Мактавиш. – За ночь прекрасно уложусь и утром вернусь обратно.

Спиро, глубокомысленно нахмурившись, перевел Таки суть предложения. Реакция была резко отрицательная. Здесь сплошные скалы, высаживаться практически негде.

– О боже, и что же мы будем делать? – спросила мать.

– Сидеть и ждать, – сказал Ларри. – Все очень просто.

– В каком смысле просто? – не поняла она.

– Рано или поздно появится какая-нибудь лодка, мы ей просигналим, и она привезет нам бензин. И что вы так переполошились?

– Господин Ларри правильно говорить, – печально подтвердил Спиро. – Больше мы ничего не уметь.

– Тут здорово, – продолжал Ларри. – Если уж надо было вляпаться, то лучше места не придумаешь.

Мы все устроились на берегу, а Таки, усевшись по-турецки на носу катера, внимательно выглядывал какую-нибудь рыбачью лодку, которая пришла бы нам на помощь.

День прошел достаточно приятно, но ни одна лодка так и не появилась, и к вечеру мать не на шутку разволновалась.

– Мать, не нервничай, – сказал Ларри. – Не сегодня, так завтра, а запасов продовольствия у нас предостаточно.

– То-то и оно, что недостаточно, – возразила мать. – Я не рассчитывала на подобную задержку. К тому же лед так быстро тает, что еда очень быстро испортится.

Один аспект нашего затруднительного положения мы точно недооценили. Эта бухточка с обступившими ее скалами не предоставила нам тех удобств, которые Робинзон Крузо обнаружил на своем острове. По скале стекал тонкий ручеек пресной воды, образовывая протухшую лужу; Теодор обнаружил в ней разнообразные формы жизни, но для питья, если наши запасы закончатся, она была явно непригодна.

– Матер, не волнуйтесь, – сказал Макс, беря ее под защиту своими ручищами. – В крайнем случае мы дотолкаем лодку

до самого Корфу.

– Какая глупость, – сказал Дональд. – Только приезжий с континента мог предложить такое. Ты знаешь, сколько тонн весит такой катер? Его невозможно толкать.

– Боюсь, что Дональд прав, – сказал Мактавиш. – Даже всей командой, а я человек тренированный, мы его далеко не отбуксируем.

– Хватит уже болтать, – вышел из себя Ларри. – Вокруг полно рыбаков. Завтра кто-нибудь непременно проплывет мимо.

– Хочется верить, что ты прав, – сказала мать. – Иначе мы придется ввести рацион питания.

– Это, конечно, мелочь, но я обнаружил довольно редкие образцы, – вступил Теодор. – И если в ближайшее время не доставить их на Корфу, я боюсь, что они... вы же понимаете, они очень хрупкие... в общем, они... пропадут. – Вообще-то, ему свойственна научнообразная речь.

Спать мы легли расстроенные, а Таки и Спино по очереди дежурили на носу катера с угольной лампой в надежде обнаружить проплывающую рыбацью лодку. Но до рассвета никто так и не появился. Беда не приходит одна: лед в холодильнике таял с такой пугающей быстротой, что нам пришлось выкопать ямку в песке и держать там самые скоропортящиеся продукты. Завтрак был весьма скудным.

– Боже мой, и зачем только мы отправились в это путешествие? – сокрушалась мать.

– Не волнуйтесь, матер, – успокаивал ее Макс. – Наз спазут, я чувствую затылком.

– Я думаю, Ларри прав, – сказал Дональд. – У этого побережья многие рыбачат. Рано или поздно какая-нибудь лодка появится.

– Лучше раньше, пока мы тут все не умерли от голода, – вздохнула мать.

– А все Ларри, – завелся голодный Лесли. – Это была его идея.

– Нечего все валить на меня, – огрызнулся Ларри. – Тебе тоже понравилась эта идея. Если бы все правильно подготовили, мы бы не попали в такой переплет.

– А я согласна с Лесли, – сказала Марго. – Это Ларри предложил.

– Я не предлагал, чтобы у нас закончился бензин в заброшенной бухте, окруженной скалами, в десяти километрах от ближайшего населенного пункта, – возразил ей Ларри.

– Все, все, не ссорьтесь, – вступила мать. – Дональд прав. Наверняка скоро появится рыбачья лодка.

– А пока, дорогая миссис Даррелл, я вам поиграю, и сразу станет легче, – сказал Свен.

Выбор оказался неудачным – Бах. Эта музыка Свена успокаивала, из чего он делал ошибочный вывод, что она так действует на всех.

Прошел еще один день, а рыбачья лодка так и не появилась. Лед таял на глазах, как и запасы еды. Нашего ужина не

хватило бы даже Оливеру Твисту.

– Черт знает что, – возмутился Ларри. – Эти идиоты рыбачат где угодно, только не здесь.

– Может, ночью кто-то появится, – предположил Мактавиш.

Спиро и Таки не спускали глаз с устья бухты, но все впускаю. На завтрак каждому досталось по одному вялому персику, а весь обед состоял из хлеба и арбуза.

– И какие у нас еще запасы? – спросил Ларри по окончании трапезы.

– К счастью, я малоежка, – сказал Теодор и поспешил добавить: – К счастью для меня.

– Я себе не представляю, что мы будем дальше делать, – сказала мать, дошедшая до отчаяния, несмотря на все наши попытки ее успокоить.

– Займемся канибализмом, – сказал Ларри.

– Дорогой, не надо так шутить. Это не смешно.

– Я для вас буду жестковат! – рассмеялся Мактавиш.

– С вас и начнем. – Ларри смерил его злобным взглядом. – Это будет неудобоваримая закуска. Зато Леонора, медленно поджаренная на горячем песке, как это делают в Полинезии, наверняка придется всем по вкусу. Пальчики на ногах, ягоды и грудка.

– Ларри, это отвратительно, – возмутилась Марго. – Как можно есть человечину!

– Да уж, – согласился с ней Дональд. – На такое способны

только китайцы.

– Удивительно, на что способен человек в чрезвычайных обстоятельствах, – включился Теодор. – Кажется, в Боснии несколько деревень на несколько месяцев завалило снегом, и многие... м-м... перешли к каннибализму.

– Ну сколько можно! – не выдержала мать. – И без того тошно.

– Ты не ответила на мой вопрос, – напомнил Ларри. – Какие у нас запасы?

– Арбузы, три зеленых перца и две буханки хлеба. Таки пытается рыбачить, но в этой бухте, говорит он, с рыбой обстоит дело неважно.

– У нас же оставались ножки ягненка, – заметил ей Ларри.

– Да, дорогой, – сказала мать, – но они протухли, и мне пришлось их закопать.

– Господи. Остается только каннибализм.

Еще день прошел, и по-прежнему ни одной лодки. На ужин мы ели засохший хлеб, подвявшие зеленые перцы и арбуз.

Таки и Спиро заняли места дозорных на носу «бензины», а мы, голодные, улеглись спать.

За ночь мимо бухты никто так и не проплыл. Наше положение, поначалу несколько комичное, становилось все серьезнее. Мы устроили на борту военный совет. Мое предложение, что мы сможем продержаться несколько дней на моллюсках, было тут же отправлено в корзину.

– Мои образцы быстро разлагаются, – пожаловался Теодор.

– К черту ваши образцы! – взорвался Ларри. – Если бы вы умели собирать нечто более существенное, чем микроскопические создания, это нам сейчас помогло бы выжить.

– Не представляю, что нам дальше делать, – сказала мать. – Сегодня на завтрак мы съели по кусочку хлеба, и больше у нас ничего не осталось. Мы просто здесь умрем. А это не то место, где я бы хотела быть похороненной.

– Матер не умрет, – с нежностью промолвил Макс. – Езли понадобится, я завершу самоубийство, и вы меня съедите.

Она несколько оторопела от такого щедрого предложения:

– Макс, вы очень добры, но я очень надеюсь, что до этого не дойдет.

И в эту самую минуту Спино, дежуривший на носу «бензины», издал такой бычий рев, что, кажется, содрогнулись скалы.

– Сюда! Сюда! – кричал он по-гречески. – Давай сюда!

До того зычным был голос, вырывавшийся из мощной грудной клетки, да еще усиленный горным эхом, что рыбак в лодке его услышал и развернулся в нашу сторону. Мы все перебежали на нос и всю замахали руками. Рыбак заглушил мотор, а Спино снова прокричал ему:

– Давай сюда! Давай сюда!

– Кто, я? – удивился мужчина.

– Ты, кто ж еще!

– Вы просите *меня* подплыть к вам? – Мужчина желал полной ясности.

Спиро призвал на помощь Спиридона и других святых.

– ТЕБЯ! – проревел он. – Или там есть еще кто-то?

Рыбак на всякий случай поглядел вокруг.

– Никого, – ответил он.

– Вот ты мне и нужен!

– Зачем? – заинтересовался мужчина.

– Подойдешь ближе – узнаешь, – рывкнул Спиро и тихо выругался: – Идиот!

– Ладно, – сказал мужчина.

Он снова завел мотор и зигзагами направился в нашу сторону.

– Слава богу, – дрожащим голосом выговорила мать. – Слава богу.

Должен сказать, что в эту минуту все мы испытывали такие же чувства. Маленькая моторка, метра четыре в длину, подплыла ближе, мужчина заглушил мотор, и лодка тихо ткнулась в наш борт. Мужчина был смуглый, как фундук, с черно-синими глазами и вьющейся копной волос. С первой минуты стало ясно: если он и не идиот, то близко к этому.

Он заискивающе улыбнулся нашей честной компании:

– *Kalimera!*

С несказанным облегчением мы тоже сказали *kalimera*.

– Послушай, – Спиро сразу взял ситуацию под контроль, –

у нас...

– Вы грек? – Рыбак с интересом его разглядывал.

– А то кто же, – ответил он. – Понимаешь, мы...

– Вы все греки? – спросил рыбак.

– Нет. – Спирос начал терять терпение. – Они иностранцы.

А дело в том...

– Я люблю иностранцев, – признался рыбак.

Он осторожно убрал ногу с мертвого осьминога, на которого наступил невзначай, перейдя с кормы на нос.

– Они хотят купить у меня рыбу? – спросил он.

– Да не собираемся мы покупать рыбу, – прорычал Спирос.

– Но иностранцы любят рыбу.

– Дурак! – сорвался Спирос. – Не нужна нам твоя рыба.

Нам нужен бензин.

– Бензин? – удивился рыбак. – А зачем вам бензин?

– Для нашей «бензины»! – проревел Спирос.

– Для нее не хватит. – Рыбак бросил взгляд на маленькую канистру, лежащую в носовой части. – А откуда они приехали?

– Они англичане. Послушай, нам позарез нужен...

– Англичане хорошие люди, – сказал рыбак. – Вчера один такой купил у меня два кило рыбы. Я взял с него двойную цену, а он даже не заметил.

– Ты можешь меня послушать? Нам нужен бензин, и я хочу, чтобы ты...

– Это одна семья? – любопытствовал рыбак.

– Нет, это не одна семья, – ответил Спиро. – Я хочу, чтобы ты...

– А похоже на семью.

– Я же говорю, нет!

– Вот мама и папа, – рыбак показал пальцем на мать и Свена, – а это их дети. А тот, с бородой, наверно, дедушка. А где в Англии они живут?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.